
Л. Г. ДЖАХАЯ

**К ВОПРОСУ
О МЕТОДАХ ИЗЛОЖЕНИЯ
(СПОСОБАХ ЛИНЕЙНОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ)
СИСТЕМЫ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ**

Категории – наиболее общие понятия науки, отражающие существенные свойства, стороны, характеристики действительного мира. Сказанное относится ко всем без исключения категориям – общим понятиям всех наук, но в первую очередь – к наиболее общим и существенным категориям философии, призванным абстрактно-логическим способом отразить сущность и важнейшие характеристики действительного мира. Философские категории – «узелки» особой категориальной системы, поэтому раскрыть смысл той или иной из них можно только в связи с другими философскими категориями этой системы, а это означает необходимость их системного изложения. Так возникает относительно самостоятельная философская проблема изложения системы всеобщих философских категорий. Успешное решение этой проблемы имеет первостепенное значение для саморефлексии развивающейся философии.

Философские категории, в отличие от категорий специальных наук, обладают наибольшей степенью широты, глубины и содержательности, охватывают всю действительность и выполняют роль опорного скелета человеческого понятийного мышления. Философские категории, как идеальные образования, находятся в сложной сети зависимостей друг от друга и с другими понятиями и поэтому всегда системны – как с точки зрения внутреннего содержания, так и в связи с другими понятиями. Однако хотя всякое теоретическое знание, в том числе и философское, по природе своей системно, тем не менее в философии возникает

проблема обоснования этой системности. Поэтому одной из важнейших актуальных проблем современной философии стало выявление ее системности, причем речь идет не просто о взаимосвязи категорий, каковая взаимосвязь достаточно исследована в целом ряде философских работ, а речь идет о подлинной системе этих категорий, как обоснованной целостности.

Философия есть стройная теоретическая система всеобщих, наиболее существенных категорий, концептуально отражающих универсальную систему мира, как единого, связного целого. Системность философских категорий есть их объективное свойство, имманентно присущее развитой философской теории, правильно и на высоком уровне философской абстракции отражающей свой предмет – взаимосвязь и единство наиболее общих и существенных характеристик действительного мира.

Каждая категория, взятая в отдельности, отражает ту или иную существенную сторону, свойство или отношение окружающего нас мира, а все вместе они стремятся отразить сущность этого мира. Системность категорий есть следствие огромного богатства и глубины их внутреннего содержания, многообразия и сложности связей, возникающих в теоретической системе, структурными элементами которой они являются. Поэтому системность философской теории есть, с одной стороны, следствие системной организованности объективного мира, а с другой стороны, – следствие системной организации субъективного человеческого знания, выраженного в соответствующих формах. Даже обычное грамматическое предложение, фиксирующее самую простую мысль, есть некоторая система, образуемая составляющими ее значимыми словами, соединенными в целостную смысловую, логическую и семантическую структуру. Тогда системность теоретических построений, в том числе и философских, вытекает отсюда со всей очевидностью.

Вопрос о системности всеобщих философских категорий непосредственно связан с пониманием сущности и

определением предмета философии. В зависимости от того, как решается вопрос о предмете, следовательно, проблематике философии, решается и вопрос о том, какие категории образуют ее систему. К примеру, если речь идет об экзистенциальной философии с ее специфической проблематикой бытия человека в абсурдном мире, то систему категорий этой разновидности «философии жизни» образуют категории «бытие», «небытие», «ничто», «самость», «свобода», «вина» «ответственность», «озабоченность», «тревога», «страх смерти» и другие. Что касается научной философии, то ее интересует главным образом проблема сущности мира и места человека в этом мире, следовательно, проблемы философской антропологии и экзистенции ставятся в зависимость от решения этих проблем в плане отношения «человек-мир». Научная философия оперирует такими категориями, как «материя», «движение», «пространство», «время», «причинность», «закономерность», «возможность», «действительность», «содержание», «форма», «взаимосвязь», «противоречие», «развитие», «отражение» и другие.

Система философских категорий реально существует в их смысловой взаимосвязи, отражающей объективную взаимосвязь и единство мира, и обнаруживается в их дефинициях, в процессе оперирования ими в научно-познавательной практике. Сложнопереpletенная система философских категорий характеризуется той особенностью, что, образуя некое подобие «сети», «узелками» которой являются эти категории, она приводит к тому, что достаточно потянуть любой из этих «узелков» – и вытягивается вся «сеть». В системе философских категорий это выражается в том, что рассмотрение любой категории так или иначе приводит к необходимости говорить обо всех остальных философских категориях, связанных с данной категорией и переплетающихся на ней. Это имеет, с одной стороны, положительное значение, доказывая и подтверждая системный характер категорий, но, с другой стороны, создает не совсем правильное представление, будто именно данная

философская категория является главной, центром, в котором фокусируются и к которому притягиваются все остальные категории. Так, например, достаточно взять категорию «качество», и она сразу попадет в центр системного рассмотрения, ибо на ней перекрещиваются такие связанные с ней категории, как «количество», «свойство и отношение», образующие любое качество, «сущность», поскольку внутренняя определенность «сущности» и «качества» сближает их и т. д., а косвенно сюда присоединятся все без исключения категории и законы, начиная с закона перехода количественных изменений в качественные, и т. д. С этой особенностью теоретического изложения системы категорий философии приходится поневоле считаться, избегая ошибки ее абсолютизации.

Когда говорят, что система философских категорий в целом адекватно отражает объективную систему мира, это вовсе не значит, что каждый элемент данной теоретической системы, то есть каждая категория или переход от одной категории к другой, обязательно соответствует какому-то фрагменту объективной действительности, непременно имеет свой аналог в деталях картины мира. Поясним сказанное на примере категории «бытие». С научной точки зрения, не может быть такого состояния мира, при котором он **есть**, но еще **не есть что-то**, словом, что мир существует как неопределенное **ничто**. Объективно так никогда не было, нет и не может быть, однако в мысленном движении понятий может быть такой логический переход, когда мы уже установили факт реального существования мира, но еще не можем дать его определения или развернутой характеристики, а это определение или характеристика будут даны на следующем этапе развертывания категорий. Тогда появляется категория «бытие», которая вполне удовлетворительно описывает данный логический переход. Следовательно, в системе философских категорий можно поручиться лишь за ее правильность в целом, по заключительному итогу. Здесь наблюдается то же, что и в математике: при решении задачи обращают внимание лишь на правильность

конечного результата, ответа, а то, что при решении задачи приходится иметь дело с мнимыми числами, логарифмированием и антилогарифмированием и тому подобными операциями, не имеющими аналога в действительности, в ответе не учитывается. Так и в системе философских категорий важна прежде всего целостность всей системы.

В принципе предполагается, что каждое философское учение имеет **одну** систему своих основных категорий. Из этого аксиоматического утверждения следует, что философские системы отличаются друг от друга, во-первых, определенным набором своих основных категорий (элементов системы), во-вторых, их смысловым содержанием и,

в-третьих, характером связи этих категорий между собой (структура системы). Считается, что когда эти три признака совпадают, то перед нами одна система философских категорий. Легко убедиться, что система категорий и законов, будучи единой с точки зрения трех упомянутых признаков, тем не менее многократно изложена различными методами и в различном порядке. Возникает вопрос: излагается ли при этом **одна и та же система** категорий или в каждом отдельном случае имеем дело с **различными системами**? Этот вопрос интересен не только сам по себе, но и представляет собой серьезную философскую – гносеологическую, логическую и методологическую – проблему, которая нуждается в специальном анализе и правильном решении.

Формирование философских категорий – это, по существу, дело всей всемирной истории науки и философии, обеспечивающей перевод материальной системы мира в идеальную систему философских категорий. Формирование отдельных философских категорий, практика оперирования ими в многообразной общественной и научной жизни, в особенности на современном этапе, их дефиниции в различных справочниках, словарях, энциклопедиях, учебниках и монографиях, их специальный научно-философский системный анализ и установление множественных

связей их друг с другом приводят в конце концов к тому, что на определенной, достаточно высокой ступени развития философской теории эти категории по своему логическому смыслу «смыкаются» в систему.

Если попытаться мысленно смоделировать (причем именно наглядно, а не словесно) «сеть» явлений мира как «связь всего со всем», то для этого придется представить себе категории научной философии в виде некоторых «абстрактных объектов», «идеальных конструктов», связанных многосторонними линиями соединения и образующих вследствие этого определенную систему, как единое целое, где нет ни начала, ни конца, но зато достигается максимально возможное единство всех структурных элементов данной системы. Интересующая нас взаимосвязь категорий и есть именно такая система. Поэтому если взять систему категорий философии не просто как совокупность составляющих ее элементов (категорий и законов), а как определенную устойчивую взаимосвязь этих элементов, то окажется, что данная система не зависит от различных методов ее изложения и потому инвариантна по отношению ко всем подобным методам. Эта собственная, внутренняя, всесторонняя, имманентная структурная взаимосвязь «сомкнувшихся» в одно целое категорий, соответствующая абсолютной, всеобщей, универсальной взаимосвязи мира («связь всего со всем»), и есть подлинная **система** философских категорий, которую постоянно держат перед своим мысленным взором философы-«систематизаторы» и которую они пытаются более или менее адекватно отразить в различных предлагаемых ими методах изложения.

При таком системно-структурном рассмотрении важнейших философских категорий обнаруживается, что в этой системе, в сущности, нет ни начала, ни конца, она представляет собой некоторое целостное единство, и в таком виде ее и следует держать в голове, как образ, как представление. В принципе это легко достигается графически (например, с помощью известных «Эйлеровых кругов»), хотя в других, более сложных случаях это не удается

сделать даже графически (в случае многомерных структур). Однако если попытаться понятийно передать эту систему, то придется, видимо, высказав несколько общих суждений обо всей системе в целом, затем разложить, расчленив ее на составные элементы и в каком-то определенном, более или менее обоснованном порядке описать ее взаимосвязь (причем число формальных «степеней свободы» изложения ограничено выбором «начала» системы), и только в конце такой процедуры можно завершить изложение системы показом функционирования ее в целом на основе познанных структурных элементов. Ясно, однако, что при этом описывается, в сущности, **одна и та же система**, инвариантная по отношению к любым методам ее изложения и описания.

Когда мы пытаемся отразить в системе философских категорий универсальную системность окружающего мира, то все свойства и отношения этого мира предстают перед нами в виде структурных элементов некоторой теоретической системы, где все элементы и их взаимосвязи даны **одновременно**, без временной («одно после другого») или генетической («одно вследствие другого») последовательности, но в определенной структурной зависимости, отражающей объективную структуру мира. Однако держать в голове такую модель взаимосвязи категорий в виде одновременной «связи всего со всем», как бы это ни было верно само по себе, еще не значит передать ее традиционным языком философии. К тому же не все связи в этой теоретической системе одинаково значимы, существенны, тесны, как это может показаться в наглядной модели. Поэтому встает задача понятийного («словесного») моделирования системы философских категорий, а это равносильно линейному развертыванию сложной взаимосвязанной философской системы, как «связи всего со всем».

Дело в том, что понятийное («словесное») моделирование есть всегда «вытянутый» во времени или пространстве словесный ряд, и такое словесное, речевое отображение любой системы по необходимости будет линейным, создавая видимость временной или генетической последователь-

ности. Но в действительности это вовсе не так. Все философские категории отражают одновременно существующие свойства и отношения единого материального мира, поэтому они суть одно неразрывное целое, где нельзя определенно обозначить ни начало, ни конец. На это обстоятельство раньше других обратил внимание В. С. Библер. Говоря о единстве, целостности и одновременности всех характеристик мира, отраженных в философских категориях, В. С. Библер отмечает, в частности: «Однако в процессе развертывания категорий невозможно дать и определить их одновременно. По самим особенностям мышления и речи приходится одновременно давать как разновременное, взаимосвязанное как последовательное, – стороны, моменты предмета, не находящиеся между собой в причинно-следственной связи, приходится выводить друг из друга, т. е. давать в зависимости причины и следствия. Состояние предмета в данный момент отражается в последовательной, длинной цепочке категорий, выводимых одна из другой»¹. При этом если в нелинейной системе категорий имеется (n) элементов (категорий), то при условии «связи всего со всем» на каждой категории пересекутся (n – 1) связей, в то время как при линейном развертывании такой взаимосвязанной системы категорий из этих (n – 1) связей в общем случае останутся только две: одна – с предшествующей категорией, вторая – с последующей. Возможны и другие случаи, когда первая и последняя категории линейного ряда, не имея предшествующих или последующих переходов, сохраняют по одной связи, парные категории могут иметь тройственные связи.

Само собой разумеется, что линейный порядок изложения системы философских категорий, при котором из большого разнообразия связей остаются лишь одна, две или три, значительно упрощает действительную систему философии: она, эта система, гораздо сложнее, богаче, разнообразнее и противоречивее, нежели это может быть показано

¹ Библер В. С. О системе диалектической логики. М., 1958. С. 29.

в любой линейной схеме. Поэтому если оценивать линейное и нелинейное отражение философской системы по степени его адекватности и полноты, то нелинейное отражение, безусловно, имеет предпочтение априори. Следовательно, линейное развертывание категориальной системы есть обеднение, упрощение и огрубление, однако это единственное методологически правильное решение, ибо нелинейным в данном случае может быть либо графическое изображение системы категорий, не свойственное философии, либо некоторая общая идея о «связи всего со всем», что также не решает проблему изложения системы философских категорий. Поэтому линейный порядок изложения системы философских категорий, при всех кажущихся недостатках, есть единственный способ постижения этой системы, как результата философского абстрагирования, при котором исчезают малозначительные частности, зигзаги, повороты, побочные линии, сложные взаимопереплетения философских понятий. Тем самым линейный порядок изложения системы философских категорий имеет вполне объяснимые причины и должен рассматриваться не как недостаток, а как следствие философского анализа и понятийного, словесно-логического развертывания этой системы. В то же время ясное осознание этого методологического обстоятельства («обеднения системы») само по себе является гарантией правильной оценки различных линейных вариантов изложения системы философских категорий.

Таким образом, именно потому, что при понятийном, словесно-логическом моделировании надо с чего-то начать и чем-то закончить, поневоле получается линейный ряд категорий, разделенных на отдельные группы и пары и вытянутых в цепочку, и только хорошим логическим строем и соответствующими оговорками можно обеспечить требуемую взаимосвязь философских категорий. Так, в сущности, поступают все авторы, работающие над систематизацией категорий философии, и это, безусловно, правильно, неза-

висимо от решения частных вопросов изложения такой системы.

Решая задачу линейного развертывания системы философских категорий, следует различать в методологическом плане саму **систему** категорий и законов, как «связь всего со всем», и **методы изложения** этой системы. **Методами изложения** (или линейного развертывания) системы категорий являются субъективный и объективный, исторический и логический, аналитический и синтетический, индуктивный и дедуктивный, системно-структурный и структурно-функциональный методы, метод восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному и другие, внутри которых следует различать **способы описания**, представляющие собой варианты линейного развертывания системы философских категорий, в зависимости от избранного метода. Поскольку методы изложения (и способы линейного описания) могут быть весьма различными, то в результате получается большое число различных якобы «систем» категорий. Между тем то, чем заняты философы-«системосозидатели», – это отнюдь не конструирование философских «систем», а всего лишь изыскание правильного метода изложения (способа линейного описания) действительной системы философских категорий, как «связи всего со всем».

Гносеологический смысл и значение этой системы философских категорий, кроме того, что она реализует в сознании человека идею «связи всего со всем», еще и в том, что она указывает, какие философские категории, в каком количестве и с каким содержанием имеются в данный момент для отражения наиболее общих и существенных сторон действительности, после чего и возможно линейное развертывание этой системы. Поскольку данная теоретическая система изоморфна системе отражаемого ею мира, то все известные способы линейного описания теоретической системы будут по крайней мере гомоморфны системе мира и должны рассматриваться как определенные философские системы, с той, однако, оговоркой, что действительной фи-

лософской системой является все-таки первоначальная, исходная теоретическая система как «связь всего со всем», а различные методы ее изложения (способы ее линейного описания) отражают объективную систему мира лишь опосредованно. Здесь, говоря словами Гегеля, «сам метод расширяется в систему»². В сущности, это как бы «отражение отражения», или «двойное отражение», которое, однако, при соблюдении правила «перекодировки», сохраняет гомоморфность по отношению к отражаемой системе материального мира и может адекватно ее представлять.

Поэтому, выделив исходную **систему** категорий философии, представляющую собой «связь всего со всем», и различные **методы изложения** (способы линейного описания) этой системы, можно установить, что предлагаемые различными авторами методы изложения системы философских категорий в большинстве своем правомерны, если их методологические и логические основания достаточно корректны и если они достаточно полно и последовательно описывают исходную теоретическую систему философских категорий. Получается, таким образом, что все предлагаемые «системы» категорий философии, в сущности, развертывают одну и ту же систему под разными углами зрения, для различных целей, с большим или меньшим успехом.

Суть заключается в том, что для того чтобы держать перед своим мысленным взором **содержание** некоторой идеальной системы философских категорий, его можно представить себе только в какой-то конкретной, определенной **форме**, иначе об этом содержании просто-напросто невозможно мыслить, а эта конкретная форма есть всегда тот или иной метод изложения данной системы. Следовательно, система философских категорий не существует без того или иного метода ее изложения, они всегда даны вместе, в диалектическом единстве формы и содержания, причем сама эта форма может быть весьма различна. Поэтому отождествить один из методов изложения системы фило-

² Гегель. Наука логики. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1970. С. 304.

софских категорий с самой системой, уподобить их – значит сделать сильное допущение, будто не существует других методов изложения этой системы или они неправильны. Но дело в том, что существует не один, а по крайней мере несколько вполне правильных, внутренне непротиворечивых методов изложения системы философских категорий, и от этого обстоятельства никуда нельзя деться, сколько бы мы ни пытались опровергать другие, конкурирующие, не «свои» методы изложения (способы линейного развертывания) этой системы.

Таким образом, действительное отношение системы философских категорий и методов ее изложения есть отношение содержания и формы. Исходя из этого, было бы разумно представить систему этих категорий как **совокупность** всех существующих методов ее изложения и способов линейного описания, если они не содержат в себе ошибки или противоречия. При этом историческое изменение и внутреннее развитие содержания (системы) будет подчиняться своим закономерностям, а изменение формы (методов изложения, способов описания) – своим, так что в конечном счете содержание всегда остается содержанием, а форма – формой.

Однако, учитывая активность формы и ее обратное влияние на свое содержание, любая попытка описать систему философских категорий, складывающуюся в ходе общественно-исторической практики, в ходе оперирования этими категориями, не проходит бесследно для этой системы, поскольку предлагаемые различными философами методы ее изложения сами являются частью этой общественно-исторической познавательной практики, важнейшим образцом системного оперирования философскими категориями. Поэтому любое системное описание философских категорий всегда так или иначе – по принципу обратной связи – влияет на систему этих категорий: оно либо совершенствует, упорядочивает, уточняет и обогащает систему философских категорий, добавляя к ней недостающие и отбрасывая излишние элементы, либо, наоборот, деформирует и обед-

няет ее, отсекая нужные и прибавляя ненужные элементы и т. д. Поэтому очень важно добиваться все более адекватных методов изложения системы философских категорий, как «связи всего со всем», чтобы улучшать, а не ухудшать ее неудачными приемами, весьма осторожно подходить к отбору и оперированию новыми философскими категориями или общенаучными понятиями, несущими философскую нагрузку.

Следует подчеркнуть, что существующие методы изложения системы философских категорий отнюдь не равнозначны: одни из них лучше решают задачу развертывания философских категорий, другие делают это хуже. Допуская в принципе правомерность известных уже способов системного изложения категорий, если они (способы) не содержат в себе явной ошибки и в целом находятся в русле научной методологии, покажем, однако, что по крайней мере некоторые из этих методов и способов либо недостаточны, либо вообще неудовлетворительны.

Прежде всего не идут в счет различные варианты, предложенные с утилитарной педагогической целью преподавания философии в вузах: при изложении системы философских категорий нельзя руководствоваться внешними, привходящими для философской системы соображениями простоты и доступности, – другое дело, если тот или иной метод изложения системы философских категорий будет использован для создания новых учебников и лекционных курсов по философии.

В последнее время довольно популярны различные варианты исторического метода изложения системы философских категорий, которые, в сущности, сводятся к воспроизведению категорий в той последовательности, в какой они появлялись в процессе развития человеческого познания³. В основе исторического метода изложения системы философских категорий лежит принцип историзма, поэтому исторический метод изложения системы категорий пу-

³ Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 85.

тем восхождения от конкретного к абстрактному, как бы мы его ни оценивали, безусловно, обогащает наше представление о системе философских категорий. Наряду с другими методами изложения, он по-своему, весьма своеобразно описывает современную систему категорий философии. Однако в сравнении с логическим методом изложения путем восхождения от абстрактного к конкретному он явно проигрывает, обнаруживая ряд существенных недостатков.

Прежде всего неправомерно смешивается вопрос о **происхождении** философских категорий в процессе практически-предметной деятельности людей с вопросом о **месте** этих категорий в современной системе философии, то есть с вопросом о том, с чего ее начинать. Так, например, хотя **исторически** человек произошел от обезьяны, но **логически** – «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»⁴. Что касается предьстории формирования философских категорий, то она восходит к доисторическим временам, к эпохе зарождения языка, речи, слов-понятий и завершается в античную эпоху в языческой мифологии, то есть до появления науки и философии. Во времена античной науки происходит лишь оформление категориального статуса основных философских понятий, но они уже были даны в античном обществе – в мифологии, мировоззрении целых народов. Вот почему большинство философских категорий (именно как категорий) как бы «внезапно возникает» почти одновременно, ибо невозможно представить себе, чтобы существовало философское мировоззрение вначале с одной, потом с двумя, тремя и так далее категориями, как это получается у сторонников исторического метода изложения системы философских категорий. Наоборот, в каждую историческую эпоху существует известный набор основных философских категорий, необходимых и достаточных для построения более или менее удовлетворительного мировоззрения. Поскольку о

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. С. 721.

«последовательности» происхождения философских категорий в доисторическую эру известно не больше, чем об истории происхождения языков вообще, то до появления письменности и науки не удастся проследить «историю формирования философских категорий» (ее можно лишь реконструировать по мифологическим памятникам или этнографическим исследованиям), с момента же появления письменности и науки большинство основных философских понятий уже даны, и люди ведут нормальное, полноценное философское рассуждение, имея в своем распоряжении необходимый категориальный аппарат. С этого момента можно говорить лишь об историческом смещении акцентов в категориальном аппарате философии, о том, какие категории наиболее полно разрабатывались в ту или иную эпоху, в какой последовательности увеличивался их список. Но и эта история у разных народов разная: нет никаких доказательств того, что в историческом следовании философских категорий (поскольку нас интересуют именно философские категории) есть какая-то закономерность. Отмечавшаяся некоторыми авторами любопытная последовательность появления философских категорий в истории человеческого познания с большой натяжкой верна лишь для западноевропейской философии и не подтверждается в истории философской мысли других народов.

Главный недостаток исторического метода изложения состоит в том, что в каждом отдельном случае приходится доказывать, что появление той или иной философской категории в данный исторический момент было строго необходимо, что эта категория не могла появиться ни раньше, ни позже, что, следовательно, история человеческого познания не делала ни зигзагов, ни поворотов; с другой стороны, необходимо доказать, почему, следуя историческому методу изложения современной системы философии, можно обойтись без таких категорий, как «энтелехия», «двойственная истина», «субстанция», «акциденция», «модус» и другие, которые в свое время играли значительную роль в философии, но впоследствии утратили свое значение или

вообще перестали употребляться. Доказать это невозможно, если только, конечно, не залогизировать человеческую историю, в том числе историю философии, на гегелевский лад и не представить ее как осуществление некоей логической идеи. Для Гегеля, как объективного идеалиста, такое отождествление истории становления категорий с логикой их изложения вполне закономерно, поскольку категории у него живут своей собственной, самостоятельной внутренней жизнью, в результате чего логическое жестко совпадает с историческим. Однако история человеческого познания не может служить основой развертывания современной теоретической системы категорий, поэтому история возникновения философских категорий присутствует в их системе в «снятом» виде, сама же последовательность изложения категорий оказывается строго логической. В логически-теоретической системе категорий история их формирования и познания находится как бы «за кулисами» той сцены, где развертывается главное философское действие.

Таким образом, исторический метод системного изложения философских категорий неудовлетворителен с точки зрения поставленной задачи, поскольку при таком методе изложения фактически прослеживается лишь процесс формирования философских категорий в человеческом обществе, а также пути их исследования специалистами-философами. Сказанное можно считать достаточным для характеристики исторического метода изложения системы категорий, который, по-видимому, тоже годится, если только не настаивать слишком на онтологической или гносеологической «закономерности» порядка следования философских категорий, а рассматривать его как один из возможных «свободных» вариантов линейного развертывания системы категорий философии.

Таким образом, исторический метод изложения категорий философии вовсе не отвергается, как неправильный, бесполезный или ненужный. Наоборот, обращение к истокам философских категорий, изучение истории их возникновения, формирования и становления, выяснение их места

и роли на различных этапах развития человеческого общества необходимо науке и философии в историко-философском и методологическом плане: именно благодаря таким исследованиям происходит усвоение в «снятом» виде предшествующей истории философских категорий. Однако это практически ничего не дает для развертывания современной системы философских категорий, такого рода историческое описание категорий не отвечает основным требованиям теоретической системы, оно принадлежит предмету истории философии, как науки, но не предмету научной философии на современном этапе ее развития.

После таких критических замечаний в адрес исторического метода изложения системы философских категорий естественно обратиться к логическому методу их изложения. При этом в самом логическом методе обнаруживаются различные варианты (способы) развертывания системы философских категорий. Эти варианты связаны, прежде всего, с диалектической логикой, которая, справедливо критикуя традиционные схемы построения системы категорий и законов в учебных курсах философии, претендует на создание системы логически субординированных категорий. Но поскольку философские категории, как было показано выше, не находятся между собой ни в причинной, ни во временной зависимости (субординации), а логически-смысловое субординирование категорий допускает их различное линейное развертывание, то в конечном счете логически однозначной системы категорий не получается, и сторонники различных концепций «диалектической логики» спорят между собой о предпочтительности того или иного порядка логического изложения системы философских категорий, который они считают более обоснованным. На основании опыта разработки систем логически «субординированных категорий» в рамках диалектической логики Недялко Михова в своей монографии «Систематизация и определение диалектических категорий» вполне доказательно утверждает, что «координация является не только возможной формой системы философских категорий, но и что

как таковая предлагает больше познавательных возможностей в сравнении с субординацией категорий»⁵.

Почти во всех вариантах логического метода изложения системы категорий предполагается, как нечто само собой разумеющееся, «дедущирование» одних категорий из других в их линейной последовательности по правилам логики. Возможно, что в некоторых случаях, на отдельных отрезках цепочки категорий такая процедура выполнима, но в общем случае это невозможно. Перед нами очередная видимость, в действительности же дело обстоит таким образом, что из множества связей в системе философских категорий выбираются наиболее близкие в данной линейной последовательности и логически более или менее обосновывается переход от одной категории к другой (например, упоминание одной категории в определении другой). Дедукция слишком прямолинейна и однозначна для «распутывания» сложнопереплетенной системы философии. Самое большее, на что способен логический метод изложения системы философских категорий, – это обеспечить такую последовательность категорий, при которой они не будут все одновременно употребляться и даже упоминаться: в анализе каждой данной категории будут участвовать лишь предшествующие (в линейном порядке) категории, ранее упоминавшиеся, но не будет упомянута ни одна последующая категория. Получается, что категории как бы последовательно вступают в действие, «включаются» для дальнейшего логического анализа, а все вместе встретятся лишь в самых последних категориях этого ряда, как наиболее богатых определениями. Такое логическое обязательство тоже нелегко выполнить, но это максимум того, что можно сделать с помощью логического метода при линейном, словесно-понятийном развертывании системы категорий. Поэтому претензия некоторых авторов на то, что линейное следование философских категорий означает их «дедущирование» друг из друга, теоретически неоправдано и прак-

⁵ Михова Недялко. Систематизация и определение диалектических категорий. София, 1977. С. 246.

тически неосуществимо, причем отсутствие строгой дедукции так же мало может быть поставлено в упрек логическому методу изложения системы философских категорий, как и сам линейный порядок этого изложения, представляющий собой словесное моделирование сложнопереплетенной системы категорий по принципу «смыслового соприкосновения»⁶. Отсюда следует необходимость дальнейшей разработки новых, более эффективных вариантов логического метода изложения системы философских категорий.

Критический анализ опыта многих исследователей убеждает, что, с учетом высказанных соображений, лучшим со всех точек зрения является логический метод восхождения от абстрактного к конкретному. Суть этого метода достаточно хорошо изучена в философской литературе и заключается в том, что в историческом процессе познания конкретное целое первоначально исследуется аналитически – путем выделения отдельных его частей, сторон, моментов и образования соответствующих абстрактных понятий, а затем, на основе сложного синтеза сформированных абстракций, мысленно воссоздается это конкретное целое как «единство многообразного».

Действительно, этот метод оказывается в высшей степени плодотворным в философии, в частности, при изложении системы философских категорий. Так, с момента своего возникновения философия занималась тем, что изучала данный в представлении окружающий мир как стихию, как **неопределенное целое**. В процессе дальнейшего развития философии шаг за шагом были выделены, обособлены, изучены и закреплены в категориях отдельные, наиболее существенные стороны, свойства, отношения, характеристики действительного мира, в результате чего мир, как непосредственно данное, вначале хаотическое и неосмысленное, был понят глубже и полнее.

После того как историческая работа по созданию абстрактных философских категорий в основном была проде-

⁶ Принципы систематизации категорий материалистической диалектики. Иркутск, 1980. С. 30.

лана, наиболее правильным научным методом системного изложения этих категорий является метод обратного восхождения от абстрактного к конкретному. Тогда в системе этих философских категорий достигается – для данной исторической эпохи – более или менее адекватное отражение сущности мира в философии.

Здесь, однако, возникает проблема «начала» изложения системы философских категорий. Понятие этого «начала» не вполне совпадает с тем понятием «начала», которое существовало в истории философии и представляло собой «исходный принцип»: «*Cogito ergo sum*» – у Р. Декарта, «*Esse ergo percipii*» – у Дж. Беркли и т. д. В нашем случае «начало» – это логически первая, «беспредпосылочная» категория, с которой следует начинать изложение (линейное развертывание) системы философских категорий, из которой затем можно более или менее последовательно, связно вывести всю цепочку остальных философских категорий. Анализ показывает, что во взаимосвязанной системе философских категорий ни одна категория не является беспредпосылочной, если только искусственно не объявить ее таковой. Даже категория «материя» в этом смысле не беспредпосылочна, поскольку, во-первых, она достаточно сложна и богата по своему внутреннему содержанию, будучи носителем всех своих многочисленных атрибутов (в отличие от «материальности», как особой категории), чтобы быть первой, исходной и потому «беспредпосылочной» категорией в линейном развертывании системы категорий философии, а во-вторых, «материальность», провозглашаемая категорией «материя», должна быть отнесена к «чему-то». Вот это «что-то» и есть действительное логическое «начало» системы категорий научной философии.

На наш взгляд, таким «началом» в линейном развертывании системы категорий научной философии является категория «мир», как то, относительно чего говорят: «это – материя». «Мир» (материальный мир) – это, строго говоря, даже не категория, а особое философское понятие, но оно единственно может быть «началом» линейного ряда кате-

горий философии, потому что, во-первых, это в высшей степени абстрактное понятие, которое, будучи равным по объему (но не по богатству и наполненности содержания) категории «материя», тем не менее, в отличие от «материи», не заключает в себе ответа на собственную сущность, и, во-вторых, нуждается в определении через другие категории («материя и движение», «пространство и время», «причинность и закономерность» и т. д.), но само ни из чего не вытекает, следовательно, беспредпосылочно, будучи некоторым объемлющим понятием, сходным с категорией «бытие», относительно которого ничего конкретного сказать нельзя: это может быть, в зависимости от определения, и «материя», но может быть и «бог», «идея», «ощущение» и т. д.

Таким образом, в приложении к системе категорий научной философии метод восхождения от абстрактного к конкретному будет означать движение от наиболее абстрактной категории «мир» («материальный мир») – к другим наиболее общим и существенным философским категориям, так, чтобы эти категории вместе, в последовательном порядке наполняли категорию «мир» все более богатыми определениями и в конечном счете дали более или менее полное философское представление об окружающем мире.

С того момента, когда человек осознает себя, он начинает отличать себя, как личность, от всего, что его окружает: от вещей и явлений, от других людей и даже от самого себя, как телесного существа. Иными словами, происходит разделение на **субъект («Я»)** и **внешний объект («не-Я»)**, о котором, даже не зная, **что он есть** сам по себе, можно сказать, что он, по крайней мере, **есть** (категория «бытие»). Впоследствии категория «бытие» оформляется в философское понятие «мир», как предмет философской рефлексии, как специфическая философская проблема.

Очевидно, что в этом «тощем», малосодержательном понятии, взятом в таком виде в качестве исходного пункта изложения системы философских категорий, никакое зна-

ние не заключено. Сказать что-либо о мире, прежде чем будут раскрыты некоторые его характеристики, совершенно невозможно: мир выступает при этом лишь как **нечто**, о котором известно только то, что оно **существует**. Поэтому необходимо, прежде всего, дать хотя бы простейшее определение понятия «мир», а это значит – ответить на вопрос: «Что такое мир?». Т. И. Ойзерман отмечает, что «ныне, так же как на заре цивилизации, первый вопрос, который задает себе философски мыслящий человек, – это вопрос о том, что представляет собой мир, в котором мы живем»⁷. Научная философия, отвечая на вопрос «что такое мир, в котором мы живем?», утверждает: «Мир есть движущаяся материя». Тогда в порядке линейного развертывания системы категорий научной философии от категории «мир» совершается переход к категориям «материя и движение» и далее к другим парным философским категориям в определенной логической последовательности.

⁷ Ойзерман Т. Н. Ленинские принципы научной критики идеализма // Вопросы философии. 1970. № 2. С. 30.